

Абсолютно, абсолютно, абсолютно нельзя больше встречаться с этим собачьим мужчиной. В тот момент в голове Янь Жунцю была только эта одна мысль.

Тело, до сих пор никогда не испытывавшее течи, становилось странным и неконтролируемым лишь в момент приближения того собачьего мужчины. У Янь Жунцю было предчувствие, что если он снова столкнется с ним, то ему не избежать судьбы быть съеденным и выжатым досуха во второй раз.

Он ненавидел чувство беспомощности, когда им играли как пешкой, и не хотел, да и не мог, стать чьей-либо собственностью, даже собственностью Альфы.

К счастью, после обследования у доверенного врача Янь Жунцю узнал, что тот собачий мужчина не оставил в его теле постоянной Метки, что избавило от хлопот по её смыванию, а временная Метка на задней части шеи со временем исчезнет сама собой.

Но прежде чем он успел успокоиться, в теле снова проявились незнакомые реакции.

Врач с сожалением сообщил ему, что, хотя это крайне редкий особый случай, он действительно забеременел, несмотря на отсутствие постоянной Метки.

Лежа на кушетке для осмотра, Янь Жунцю растерянно прижал руку к нижней части живота. Как будто сама судьба, несмотря на все принятые эффективные меры предосторожности, то, что оставил внутри тот собачий мужчина, упрямо проросло и пустило корни.

Его фигура и так была стройной и высокой, в обычные дни он носил только приталенные, облегающие костюмы. Видя, как живот с каждым днем становится всё больше, скрывать это было уже никак невозможно.

Поэтому Янь Жунцю решительно принял решение временно переехать в загородную усадьбу, которую он ранее незаметно приобрёл в соседнем городе, скрыть все следы своего местонахождения и подумать о дальнейших планах уже после рождения ребёнка.

— Господин Янь, с вами всё в порядке? Вам нехорошо? — с участием спросил Хэ Чжу.

Янь Жунцю только сейчас поднял голову от воспоминаний.

— Нет.

— Я вижу, у вас лицо немного покраснело, — Хэ Чжу слегка повернул голову назад. — Мне открыть окно?

Янь Жунцю запрокинул голову и закрыл глаза.

— Не нужно.

Взгляд Хэ Чжу скользнул по участку белоснежной шеи, выглядывавшему из-под воротника рубашки Янь Жунцю, затем он подключил свой телефон к автомобильной аудиосистеме. Лёгкое касание пальцем — и роскошная, словно весна, скрипичная мелодия неспешно разлилась в воздухе.

Янь Жунцю по-прежнему сидел с закрытыми глазами.

— Соната «Весна» в исполнении Давида Ойстраха, — тихо произнёс он.

Хэ Чжу слегка улыбнулся.

— Вы тоже любите классическую музыку? У меня раньше был друг, он прекрасно играл на скрипке.

— Нет, — Янь Жунцю сделал паузу. — Но если хочешь её слушать, то слушай.

За окном автомобиля моросил мелкий дождь, густой туман окутывал всё вокруг, но внутри машины словно был сладкий сон, полный густой весенней атмосферы, от которого слегка пьянеешь.

Выехав из центра города, машина медленно двигалась по прибрежной магистрали в сторону элитного района вилл Резиденция «Жуйшань Юйтин» города Чуаньюань. Среди зелёных, тянущихся вдаль горных пейзажей были разбросаны особняки, каждый в своём стиле. В этот дождливый сезон слив вечером они излучали суровое уединение.

Хэ Чжу бросил взгляд в окно машины.

Если он не ошибается, владение всем районом Резиденция «Жуйшань Юйтин» должно быть лишь самой низкорыночной компанией среди предприятий недвижимости, входящих в корпорацию Янь.

Согласно адресу, дом Янь Жунцю находился в самой высокой точке, нужно было подниматься по извилистой дороге. Проехав пять минут, Хэ Чжу наконец увидел крышу минималистского белого здания.

Замок Спящей красавицы... что ли.

В зеркале заднего вида Янь Жунцю уже спал. Хэ Чжу очень медленно и плавно остановил машину у кованых ворот, затем осторожно вышел и направился к заднему сиденью.

Стоя у двери машины и глядя сквозь стекло, можно было чётко разглядеть спокойное спящее лицо Янь Жунцю.

Это было очень-очень безмятежное лицо спящего человека. Несколько прядей чёрных волос мягко спадали на чистый белый лоб, излучая беззащитную миловидность.

Глаза Хэ Чжу потемнели. Он открыл дверцу, наклонился, линии его широкой и стройной спины изогнулись в поклоне.

Он поднял руку с чёткими костяшками пальцев, колеблясь, и медленно потянулся к тому нефритово-белому лицу.

Затем остановился на полпути, отдернул руку и опустил её вдоль тела.

Хэ Чжу отступил на полшага, поправил очки и ровным тоном произнёс:

— Господин Янь, мы прибыли. Пожалуйста, выходите.

Янь Жунцю сонно открыл глаза и зевнул — это внезапно напомнило Хэ Чжу маленького померанского шпица по имени Сахарная Вата, которого он держал дома.

— Спасибо. Здесь нет покрытия навигацией, люди, впервые приезжающие сюда, обычно теряются. Не ожидал, что ты так быстро найдёшь дорогу.

Из-за только что сделанного зевка глаза Янь Жунцю были затуманены, в них выступила тонкая влажная дымка, а у внешних уголков глаз расплылось лёгкое персиковое розовое пятно. Его кожа была крайне белой и тонкой, поэтому даже этот намёк на красноту был особенно заметен, будто на него только что нанесли прекрасный сценический грим.

Хэ Чжу, глядя на краешки глаз Янь Жунцю, отвёл взгляд и понизил голос, чтобы тот не разобрал эмоций в его тоне:

— Спокойной ночи. Приятных выходных.

Янь Жунцю кивнул:

— И тебе.

У ворот уже ждала тётушка Сяо Сюй. Увидев её худощавую фигурку, в сердце Янь Жунцю возникло много тепла.

На самом деле, тётушка Сяо Сюй была уже немолода. Когда Янь Жунцю был ещё мягким пухлым малышом, она уже заботилась о нём. Теперь пухлый малыш вырос в прекрасного юношу, тётушка Сяо Сюй тоже постарела, но привычное обращение уже никак не изменить.

— Я же просил тебя не ждать меня? — нахмурившись, притворно рассердился Янь Жунцю.

Тётушка Сяо Сюй улыбнулась:

— Пока не увижу, что вы вернулись домой, на душе как-то беспокойно. Раньше я тоже так ждала вас после школы, за эти годы это вошло в привычку.

— Кстати, после ночного перекуса не забудьте сразу зайти в комнату Сяосиня. Малыш сегодня капризничает.

Услышав, что сын расстроен, Янь Жунцю забыл даже о фирменных лакомствах тётушки Сяо Сюй. Он быстрыми шагами поднялся на третий этаж и мягко открыл дверь.

Яркий звёздный свет проникал через световой люк и мягко падал, как мелкая соль, преломляясь в воздухе в сверкающие серебряные частицы.

Здесь было заколдованное сказочное королевство, красочное, милое, романтическое, словно мир из диснеевских мультфильмов, переполненный красотой и огромной любовью.

В центре королевства лежала большая пушистая куча одеяла. Одеяло, услышав звук открывающейся двери, пошевелилось, а затем снова замерло, спокойно оставаясь одеялом.

— Сяосинь?

Янь Жунцю тихо подошёл к приподнятой куче тёмно-синего пледа, наклонился и потянулся, чтобы приподнять его.

Одеяло проявило характер, подвинулось, не желая с ним общаться.

Уголки губ Янь Жунцю приподнялись.

— Папа вернулся, Сяосинь не хочет с папой разговаривать?

Одеяло пошевелилось, медленно из него показалась мягкая, пушистая макушка, а затем, понемногу, — пара огромных круглых блестящих глаз.

Эти глаза были удивительно красивы, словно в них плескалась янтарная влага, переливаясь и сияя прозрачным блеском. Когда зрачки двигались, этот блеск следовал за ними, перекачиваясь. Внешние уголки глаз были подняты вверх, почти до самых висков. Ресницы были очень тёмными, густыми и длинными, казалось, вот-вот сплетутся. Малейшее моргание было подобно большому всплеску.

Янь Жунцю присел на корточки, глядя в большие глаза сына. Такой крошечный молочный комочек, а смог отрастить такие невероятно прекрасные глаза — это казалось ему почти невероятным. В детстве он сам был маленьким уродцем: пухлые щёки, узкие глазки, второй подбородок, толстая шея, волосы жидкие и редкие, если бы он упал на землю, возможно, покатился бы как колесо.

Кому же достались глаза сына? Янь Жунцю раздумывал, но в итоге решил, что лучше не думать.

— Папаа!

Малыш позвал его тоненьким голоском, неуверенно выбрался из кучи одеяла и, подняв своё розовое, словно вылепленное из яшмы, круглое личико, протянул к нему две белые нежные ручки, прося обнять.

Сердце Янь Жунцю мгновенно растаяло, в голове тут же возникли бесчисленные трёхголовые Q-версии человечков с сияющими звёздами вместо глаз, закрывающие лица с визгом, поющие и танцующие.

Милый! Милый! Мой ребёнок такой милый! Оказывается, когда милое существо проявляет свою милоту, оно может быть настолько милым!

Янь Жунцю раскрыл объятия и крепко обнял молочный комочек, расцеловал, обнял ещё раз и поднял высоко в воздух.

Молочный комочек, будучи великодушным человечком, вдоволь напушился и накапризничался на руках у папы, и досада последних дней из-за того, что папа не читал ему сказки, мгновенно улетучилась.

— Папа, почитай мне сегодня эту книжку, хорошо? — Янь Синьсин с трудом подтолкнул двумя маленькими ручками толстенный том.

Янь Жунцю взглянул вниз: «Поминки по Финнегану» Джеймса Джойса.

— Разве раньше тебе больше всего не нравился Уильям Фолкнер?

<http://bllate.org/book/15591/1388436>